

Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2015".

Анастасия ВИНОКУРОВА, Нюрнберг (Россия)

СКРИПАЧКА

Т. Л.

Когда-то у Лины были огромные залы,
беспорный талант и волшебная скрипка Амати.
Едва ли кто понял, зачем она вдруг сказала:
«Пожалуйста, хватит!»

Едва ли кто слышал, прозрачный финал профукав,
как мир под смычком незаметно, но явно треснул:
так много фальшивых улыбок, друзей и звуков –
что больше неинтересно.

Амати вернулась в родную свою Кремону.
В письме прилетело: «Grazie, Violina!» –
у мастера Пьетро, прославшего неугомонным,
играют четыре сына,

и – вроде – второй обещает стать знаменитым...

а Лина теперь выступает на перекрёстке.
Смешной пятючок, дождям и ветрам открытый,
отныне – её подмостки.

Она поднимает руки в привычном жесте
(пусть нет инструмента больше – волнение то же).
Невидимый взгляду, нервный смычок трепещет,
и струны внутри всё тоньше.

Случайный прохожий думает по ошибке:
«Такая худая – хоть пару монет на ужин...»
Но Лина ворчит, не глядя: «Опять фальшивки!» –
швыряет их прямо в лужу.

Умы в магистрате задумчиво репы чешут:
– И что нам с ней делать – никак не сообразим мы!
– У каждого города собственный сумасшедший.
Скрипачка – отличный символ!

Проходят недели, годы, идут туристы.
И лишь горожане сердито несутся мимо:
«На что тут смотреть? Хотя бы одета чисто...
Нелепая пантомима!»

Но вдруг раздаётся, небесного пенья краше:
«Ну, мама! Постой! Неужели не слышишь – Моцарт!..»
И скрипка летит, захлёбывается в пассаже –
и, наконец, смеётся.

ВНЕКОНКУРСНАЯ ПОДБОРКА

АРТ-И-ШОК

Persona

В день, когда я потеряла голос, Штраус уснул в оркестровой яме.
Нет, не заметил седой маэстро тайной опасности верхних нот.
Пару секунд я ещё боролась - но поселился в гортани камень.
И с этих пор лишь скупые жесты стали паролем для той, что ждёт.

Тело впускало в себя Электру, тело отчаянно трепыхалось.
Под незнакомой, чужой личиной быстро менялись мои черты.
Тростью стучал полоумный лектор - то ли Мегрэ, то ли доктор Хаус -
но не сумел отыскать причины этой загадочной немоты.

В день, когда я потеряла голос, горько за ширмой смеялся Бергман:
золотом пауз всегда гордятся - но для меня это кара впредь.
Небо вздохнуло и раскололось, острые камни укрыли берег
строками пафосных диссертаций - как эту дуру заставить петь.

Тело, впустив в себя Саломену, кружится, жадные взгляды дразнит:
всё, что захочешь, - конечно, будет! Это ли, милый, не рай земной?
Всё перепутаю, всё сумею - но принеси мне в награду, князь мой,
голову бога на медном блюде - в знак примирения с тишиной.

В день, когда я потеряла голос, воздух был полон мечтой и ядом,
а в волосах расцветали маки - так начинается колдовство.
Зевс выходил из прилива голым и выносил на руках наяду -
ту, чьё лицо в предраассветном мраке неотлично от моего...

В мастерской художника

Не то чтобы передумала, просто предупредить:
меня - очень сложно. Все ваши всегда ругаются.
Попробуй-ка зафиксировать эту нервную прыть,
горячую ртуть, убегающую сквозь пальцы.

Я всё же не понимаю - какая тебе нужда
в борьбе с безнадёжным? Право, лихорадочный бег по кругу.
Но трезвые доводы застревают в груди, когда
берёшься за кисть с решительностью хирурга.

Хранима завесой лжи, замираю: с тобой - нельзя.
Для игр и загадок ты уже слишком близко.
И я разрываюсь между желаньем закрыть глаза -
и распахнуть их с отчаяньем василиска;

желаньем включить на максимум сирены и семафоры,
из тайного альтруизма заставить тебя удрать -
и тихо шептать: «Пожалуйста! Подари мне форму,
преврати меня в линии - да хоть в чёрный квадрат!..»

Ведь ты же во всём находишь странную красоту,
тебя не пугают поглотившие веру тени.
Я просто молчу. Я чувствую: мне подойти к холсту
страшнее, чем к зеркалу в собственный день рожденья.

Чудно ли - и самые близкие не иначе как свысока
к потерянной, глупой, прописанной в неликвиде...
Но над полотном стремительно летает твоя рука -
и, кажется, ты меня видишь.

Действительно видишь.

Мосты

Кто-то предан работе своей мечты,
А кому-то в любви везёт.
Если спросишь: «А чем отличилась ты?» -
Я скажу: я умею сжигать мосты.
Это, впрочем, всё.

Не жалеть, не скулить, не смотреть назад,
Уповая на крепкий тыл.
Я скорее художник, чем герострат:
Посмотри, как красиво они горят!
Даже мир застыл.

Лишь ехидные тени дрожат в углу,
Укрываясь от света звёзд.
Если спросишь: «А что у тебя в тылу?» -
Я без лишних слов отнесу золу
На последний мост.

[Страница автора в Сети](#)

